

Вольтер

**Орлеанская девиственница
Философские повести**

Перевод с французского
Николая Гумилёва

ФТМ

Вольтер
Орлеанская девственница.
Философские
повести (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26350868

*Орлеанская девственница. Философские повести: ФТМ; Москва; 2017
ISBN 978-5-4467-3157-2*

Аннотация

Написанная не для печати, зачисленная редакцией в разряд «отверженных» произведений, поэма Вольтера (1694–1778) «Орлеанская девственница» явилась одним из самых блестящих антирелигиозных памфлетов, какие только знала мировая литература.

В легкомысленные образы облакает она большое общественное содержание. Яркие, кипучие, дерзкие стихи ее не только не потеряли своего звучания в наше время, но, напротив, получили большой резонанс благодаря своему сатирическому пафосу.

Для своей поэмы Вольтер использовал один из драматических эпизодов Столетней войны между Францией и Англией – освобождение Орлеана от осаждавших его английских войск.

Вольтер развенчивает слащавую и ханжескую легенду об орлеанской деве как избраннице неба, создавая уничтожающую сатиру на Церковь, религию, духовенство. Пародийно обыгрывая мотив чудодейственной силы, которая проистекает из чистоты и непорочности Жанны и которая якобы стала залогом ее победы над англичанами, Вольтер доводит эту мысль до абсурда: сюжет строится на том, что девичья честь Жанны служит предметом посягательств и коварных козней со стороны врагов Франции. Автор выводит на страницы поэмы целую галерею развратных, лживых, корыстолюбивых священнослужителей разного ранга – от архиепископа до простого монаха. Жанна в его поэме – краснощекая трактирная служанка с увесистыми кулаками, способная постоять за свою честь и обратить в бегство врагов на поле боя.

Замысел поэмы возник, очевидно, в 20-е годы XVIII в. Работал над ней Вольтер медленно, с большими перерывами. Первые песни были написаны к началу 30 – концу 40 гг.

Содержание

Орлеанская девственница	5
Предисловие отца Апулея Ризория	5
Бенедиктинца	
Песнь первая	12
Песнь вторая	29
Песнь третья	51
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вольтер

Орлеанская девственница.

Философские повести

Орлеанская девственница
(перевод Гумилёва Н.С.
под ред. Лозинского М.Л.)

Предисловие отца Апулея
Ризория Бенедиктинца

Будем признательны доброй душе, благодаря которой у нас появилась «Девственница». Как известно ученым и как явствует из некоторых черт самого труда, эта героическая и назидательная поэма написана около 1730 года. Из письма 1740 года, напечатанного в собрании мелких произведений одного великого государя, под именем «Философа из Сан-Суси», видно, что некая немецкая принцесса, которой дали на время рукопись только для прочтения, была так восхищена осмотрительностью, с какой автор развил столь скольз-

кую тему, что потратила целый день и целую ночь, заставляя списывать и списывая сама наиболее назидательные места упомянутой рукописи. Этот самый список наконец попал к нам. Обрывки нашей «Девственницы» уже неоднократно появлялись в печати, ценители здоровой литературы всякий раз бывали возмущены, видя, как ужасно она искажена. Одни издатели выпустили ее в пятнадцати песнях, другие в шестнадцати, восемнадцати, двадцати четырех, то разделяя одну песнь на две, то заполняя пропуски такими стихами, от которых отрекся бы возница Вертамона, прямо из кабачка отправлявшийся на поиски приключений¹.

Итак, вот «Иоанна» во всей своей чистоте. Мы боимся высказать слишком смелое предположение, назвав имя автора, к которому приписывают эту эпическую поэму. Достаточно, чтобы читатели могли извлечь назидание из морали, скрытой в аллегориях поэмы. К чему знать, кто автор? Немало есть трудов, которые ученые и мудрые читают с наслаждением, не

¹ В последних изданиях этой поэмы, сделанных невеждами, читатель с возмущением видит множество стихов, вроде: И пальцем проверяет тут Шандос:Иоганна все по-прежнему ль девица?«Черт побери тесьму!» – хрипя, бранится.Но вот тесьму и вправду черт унес.Шандос встряхнуть свою тряпицу тщится,.....На свой манер у каждого повадка. О Людовике Святом там говорится:Уж лучше бы бедняга развлекалсяВ постели со своею Марготон...Он ракового супа не едал, и т. д. Кальвин там современник Карла VII; все искажено, все испорчено бесчисленными нелепостями; автор этой мерзости, годной единственно для всякого сброда, расстрига-капуцин, принявший имя Мобера.

зная, кто их написал, как, например, «Pervigilium Veneris»² – сатира, приписываемая Петронию, и множество других.

Особенно нас утешает, что в нашей «Девственнице» найдется гораздо меньше дерзостей и вольностей, чем у всех великих итальянцев, писавших в этом роде.

Verum enim vero³, начать с Пульчи, – нам было бы очень досадно, если бы наш скромный автор дошел до тех маленьких вольностей, которые допускает тот флорентиец в своем «Morgante»⁴. Этот Луиджи Пульчи, бывший почтенным каноником, написал свою поэму в середине XV века для сеньоры Лукреции Торнабуони, матери Лоренцо Медичи Великолепного; и передают, что «Morgante» пели за столом у этой дамы. Это была вторая эпическая поэма Италии. Ученые много спорили о том, серьезное это сочинение или шуточное.

Те, кто счел ее серьезной, основывались на вступлении к каждой песне, начинающемся стихами из Писания. Вот, например, вступление к первой песне:

In principio era il Verbo appresso a Dio;
Ed era Iddio il Verbo, e'l Verbo lui.
Questo era il principio al parer mio, etc.⁵

² «Ночное бдение в честь Венеры» (лат.).

³ В самом деле (лат.).

⁴ «Морганте» (итал.).

⁵ В начале было Слово – Слово Бога, Бог Словом был, и Слово было Богом, Все началось от этого порога, и т. д. (итал.).

Если первая песнь начинается Евангелием, то последняя кончается «*Salve regina*»⁶, и это оправдывает мнение тех, которые полагали, что автор писал вполне серьезно: ведь в то время театральные пьесы, ставившиеся в Италии, извлекались из «Страстей» или из «Житий святых».

Те же, кто рассматривал «*Morgante*» как шуточное произведение, обратили внимание лишь на некоторые слишком большие вольности, там допущенные.

Морганте спрашивает Маргутте, христианин он или магометанин:

E se egli crede in Cristo o in Maometto.
Rispose allor Margutte: A dirtel tosto,
Io non credo più al nero che al azzuro;
Ma nel cappone, o lesso o vuogli arrosto;
.....
Ma sopra tutto nel buon vino ho fede;
E credo che sia salvo chi gli crede.
Or queste son tre virtù cardinale,
La gola, e'l culo, e'l dado, come io t'ho detto.⁷

⁶ «Здравствуй, царица» (лат.).

⁷ Кто свят ему – Христос или Магомет? Маргутте отвечал: «Ни в чох, ни в сон Не верю я, – но верую в цыпленка, Когда на славу подрумянен он. А пуще верю я в стакан вина, Душа той верой будет спасена. Три главных добродетели мне святы: Зад, глотка и игра. Вот мой ответ (итал.).»

Заметьте, пожалуйста, что Крешимбени, несколько не затрудняющийся поместить Пульчи в ряду настоящих эпических поэтов, говорит, в его извинение, что это самый скромный и самый умеренный из писателей своего времени: «il più modesto e moderato scrittore». В действительности он был предшественником Боярда и Ариоста. Благодаря ему прославились в Италии Роланды, Рено, Оливье и Дюдоны, и он почти равен Ариосту чистотой языка.

Недавно вышло очень хорошее издание его con licenza de'superiori⁸. И, конечно, это не я его выпустил; если бы наша Девственница говорила так же бесстыдно, как этот Маргутте, сын турецкого священника и греческой монахини, я бы поостерегся ее печатать.

В «Иоанне» не найти и таких дерзостей, как у Ариоста; здесь не встретить святого Иоанна, обитающего на Луне и говорящего:

Gli scrittori amo, e fo il debito mio,
Che al vostro mondo fui scrittore anch'io.

.....
E ben convenne ad mio lodato Cristo
Rendermi guiderdon di sì gran sorte, etc.⁹

⁸ С разрешения властей (итал.).

⁹ Мне сочинителей любить пристало: Я в мире вашем сочинил немало.
..... По праву наградил меня Христос
За то, что так его я превознес... (итал.).

Это заносчиво; и здесь святой Иоанн позволяет себе то, чего ни один святой в «Девственнице» себе никогда не позволил бы. Выходит, что Иисус обязан своей божественностью только первой главе Иоанна и что этот евангелист ему польстил! Подобное утверждение отдает сочинением. Наш сдержанный автор не мог бы впасть в такую крайность.

Также весьма для нас утешительно, что сей скромный автор не подражал ни одному из наших старинных романов, историю которых написали ученый епископ Авраншский Гюэ и компилятор аббат Ланеле. Доставьте себе удовольствие прочесть в «Ланселоте с озера» главу под заглавием: «О том, как Ланселот спал с королевой и как она вернулась к сиру де Лагану», и вы увидите, как целомудрен наш автор в сравнении со старыми нашими писателями.

Но *quid dicam*¹⁰ о чудесной истории Гаргантюа, посвященной кардиналу де Турнону? Известно, что глава «О подтирках» – одна из наиболее скромных в этом произведении.

О произведениях современных мы не говорим; скажем только, что все старые повести, сочиненные в Италии и переложенные в стихи Лафонтеном, также менее нравственны, чем наша «Девственница». В общем, мы желаем всем нашим строгим цензорам тонкие чувства прекрасного Монроза; нашим скромницам, если только они существуют, простодушие Агнесы и нежность Доротеи; нашим воинам – десницу

¹⁰ Что сказать (лат.).

мощной Иоанны; всем иезуитам — нрав доброго духовника Бонифация; всем управителям в хорошо поставленных домах — распорядительность и умение Бонно.

К тому же мы считаем эту книжечку отличным средством против ипохондрии, угнетающей в настоящее время некоторых дам и некоторых аббатов; и если мы окажем обществу хотя бы только эту услугу, мы сочтем, что потратили время не даром.

Песнь первая

Нежная любовь Карла VII и Агнесы Сорель. Осада Орлеана англичанами. Явление святого Дениса и пр.

Я не рожден святыню славословить,¹¹
Мой слабый глас не взыдет до небес,
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Иоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.
Я признаюсь, – вечернею порой
Милее мне смиренная девица,
Послушная, как агнец полевой;
Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

¹¹ Некоторые издания гласят: *Вы мне святых велите славословить*. Это чтение правильно; но мы приняли другое, как более занимательное. К тому же оно свидетельствует о большой скромности автора. Он признается, что недостойн воспевать девственницу. Этим он изобличает издателей, приписавших ему, в одном из изданий его сочинений, оду «Святой Женевиеве», автором которой он, наверное, не является.

О ты, певец сей чудотворной девы¹²,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.¹³

Державный Карл, в расцвете юных дней,
В старинном Туре на балах пасхальных
(Он был любитель развлечений бальных)
Пленился, к счастью для своих земель,
Красавицей Агнесою Сорель.¹⁴

¹² Всякому ученому известно, что во времена кардинала Ришелье жил некий Шаплен, автор замечательной поэмы «Девственница», в которой, по словам Буало, «он написал двенадцатью двенадцать сот плохих стихов». Буало не знал, что этот великий человек написал их двенадцатью двадцать четыре сотни, но что, по скромности, напечатал только половину. Род Лонгвилей, происходивший от красавца Дюнуа-незаконнорожденного, назначил пресловутому Шаплону пенсию в двенадцать тысяч ливров. Можно было бы лучше распорядиться своими деньгами.

¹³ Это Ламотт-Гудар, автор стихотворного перевода «Илиады», перевода очень сокращенного и тем не менее очень плохо встреченного. Фонтенель в академической похвале Ламотту говорит, что это вина оригинала.

¹⁴ Агнеса Сорель, дама из Фроманто, близ Тура. Король Карл VII подарил ей замок «Краса на Марне», и ее стали звать Дамой Красоты. У нее было двое детей

Такого чуда не встречали взоры.
Вообразите нежный облик Флоры,
Стан и осанку молодых дриад,
Живую прелесть Анадиомены
И Купидона шаловливый взгляд,
Персты Ахарны, сладкий глас сирены, –
В ней было все; пред ней бы в прах легли
Герои, мудрецы и короли.
Ее узреть, влюбиться, млеть от страсти,
Желаний сладких испытать напасти,
Глаз не сводить с Агнесы, трепетать
И голос, к ней приблизившись, терять,
Ей руки жать ласкающей рукою,
Дать чувствам течь пылающей рекою,
Томиться, в свой черед к себе маня,
Понравиться ей – было делом дня.
Любовь царей стремительней огня.
В любви искусна, думала Агнеса,
Что страсть их скроет тайная завеса,
Но эту ткань прозрачную всегда
Нескромный взор пронижет без труда.

Чтоб ни один о них не знал повеса,
Король избрал советника Бонно,¹⁵

от короля, ее любовника, хотя он не позволит себе с нею вольностей, согласно историографам Карла VII, людям, которые при жизни королей всегда говорят правду.

¹⁵ Лицо вымышленное. Иные охотники до сплетен утверждают, будто

Чью верность испытал уже давно:
Он был носителем большого чина,
Который двор, где все освящено,
Зовет учтиво другом властелина,
А грубые уста простолюдина –
Обычно сводней, что весьма срамно.
У этого Бонно в глуши укромной
Был на Луаре замок – хоть куда.
Агнеса тайно подплыла туда,
И сам король приехал ночью темной.
Их ужин ждал приятный, хоть и скромный;
Бонно достал вино из погребов.
Как вы ничтожны, пиршества богов!
Любовники, смущенные заране,
Во власти опьяняющих желаний,
В ответ на взгляд бросали жгучий взгляд,
Предвестие полуночных усад.
Беседа, скромная, но без стеснения,
Усиливала пламя нетерпенья.
Король Агнесу взором пожирал,
Нежнейший вздор украдкой шептал
И ногу ей ногою прижимал.

Окончен пир. Венеции и Лукки
Несутся хроматические звуки;¹⁶

скромный автор имел в виду некоего толстого лакея некоего государя; но мы иного мнения, и наше замечание остается в силе. Как говорит Дасье.

¹⁶ Хроматическая гамма построена на последовательности полутонов, что

С тройным напевом сладкий голос свой
Сливают скрипка, флейта и гобой.
Слова поют о сказочном герое,
Который, в ослепительной мечте
Прийтись по сердцу деве-красоте,
Забыл о славе и о поле боя.
Оркестр был скрыт в укромном уголке,
От молодой четы невдалеке.
Агнеса, девичьим стыдом томима,
Все слышала, никем чужим не зрима.

Уже луна вступила в свой зенит;
Настала полночь: час любви звенит.
В алькове царственно-позолоченном,
На темном и не слишком освещенном,
Меж двух простынь, каких теперь не ткут,
Красы Агнесы обрели приют.
Открыта дверь перед альковым прямо;
Алиса, многоопытная дама,
Ее не зря забыла притворить.
О юноши, способные любить,
Поймете вы и сами, без сомненья,
Как наш король сгорал от нетерпенья!
На пряди ровные его кудрей
Уж пролит дивно пахнувший елей.
Он входит, с девой он ложится рядом;
О, миг, чудесным отданный уладам!

Сердца их бьются, то любовь, то стыд
Агнесин лоб и жжет и леденит.
Проходит стыд, любовь же пребывает.
Ее любовник нежный обнимает.
Его глаза, что страсть восторгом жжет,
Не оторвутся от ее красот.
В чьем сердце не проснулася бы нега?

Под шеей стройною, белее снега,
Две белых груди, круглы и полны,
Колышутся, Амуром созданы;
Увенчивают их две розы милых.
Сосцы-цветы, что отдохнуть не в силах,
Зовете руку вы, чтоб вас ласкать,
Взор – видеть вас, и рот – вас целовать.
Моим читателям служить готовый,
Их жадным взглядам я бы показал
Нагого тела трепетный овал, –
Но дух благопристойности суровый
Кисть слишком смелую мою сдержал.
Все прелесть в ней и все благоуханье.
Восторг, Агнесы пронизавший кровь,
Дает ей новое очарованье,
Живит ее; сильней румян любовь,
И нега красит нежное создание.

Три месяца любовники живут,

Цена свой обольстительный приют.
К столу приходят прямо от постели.
Там завтрак, чудо поварских изделий,
Дарует чувствам прежнюю их мощь;
Потом на лов среди полей и роц
Их андалусские уносят кони,
И лаю гончих вторит крик погони.
По возвращенье в баню их ведут.
Духи Аравии, масла, елеи,
Чтоб сделать кожу мягче и свежее,
Над ними слуги пригоршнями льют.

Пришел обед; изысканное мясо
Фазана, глухаря или бекаса,
В десятках соусов принесено,
Ласкает нос, гортань и взгляд равно.
Аи веселый, искристый и пенный,
Токайского янтарь благословенный
Щекочет мозг и мыслям придает
Огонь, необходимый для острот,
Таких же ярких, как напиток пьяный,
Что зажигает и живет стаканы.
Бонно в ладоши хлопает, хваля
Удачные словечки короля.
Пищеваренье к ночи их готовит;
Рассказывают, шутят и злословят,
Под чтение Аленовых стихов;
Дивятся на сорбоннских докторов,

На попугаев, обезьян, шутов.
Подходит ночь; искусные актеры
Комедией увеселяют взоры,
И, день блаженный завершая вновь,
Над нежной парой властвует любовь.

Им, завлеченным в сети наслажденья,
Как первой ночью, новы упоенья.
Всегда довольны, ни один не хмур,
Ни ревности, ни скуки, ни бессилья,
Ссор не бывает; Время и Амур
Вблизи Агнесы позабыли крылья.
Карл повторял, обвинив ее рукой,
Даря подруге жаркое лобзание:
«Агнеса, милая, мое желанье,
Весь мир – ничто перед твоей красотой,
Царить и биться, – что за сумасбродство!
Парламент мой отрекся от меня;¹⁷
Британский вождь грозней день ото дня;
Но пусть мое он видит превосходство:
Он царствует, но ты зато – моя».

Такая речь не слишком героична,
Но кто вдыхает благовонный мрак

¹⁷ Парижский парламент три раза вызывал короля, тогда наследника, при звуках трубы, к мраморному столу, согласно заключению королевского прокурора Мариньи. (См. «Исследования» Паскье.)

В руках любовницы, тому прилично
И позабыться, и сказать не так.

Пока он жил средь неги и приятства,
Как настоятель тучного аббатства,
Британский принц¹⁸, исполнен святотатства,
Всегда верхом, всегда вооружен,
С мечом, освобожденным из ножен,
С копьем склоненным, с поднятым забралом
По Франции носился в блеске алом.
Он бродит, он летает, ломит он
Могучий форт, и крепость, и донжон,
Кровь проливает, присуждает к платам,
Мать с дочерью шлет на позор к солдатам,
Монахинь поруганью предает,
У бернардинцев их мускаты пьет,
Из золота святых монету бьет
И, не стесняясь ни Христа, ни Девы,
Господни храмы превращает в хлевы:
Так в сельскую овчарню иногда
Проникнет хищный волк и без стыда
Кровавыми зубами рвет стада
В то время, как, улегшись на равнине,
Пастух покоится в руках богини,
А рядом с ним его могучий пес
В остатки от съестного тычет нос.

¹⁸ Этот британский принц – герцог Бедфордский, младший брат Генриха V, короля Англии, коронованного на французский престол в Париже.

Но с высоты блестящей апогея,
От наших взоров скрытый синевой,
Добряк Денис¹⁹, издавний наш святой,
Глядит на горе Франции, бледнея,
На торжество британского злодея,
На скованный Париж, на короля,
Что все забыл, с Агнесою дремля.
Святой Денис – патрон французских ратей,
Каким был Марс для римских городов,
Паллада – для афинских мудрецов.
Но надобно не смешивать понятий:
Один угодник стоит всех богов.

«Клянусь, – воскликнул он, – что за мытарство
Увидеть падающим государство,
Где веры водружал я знамена!
Ты, лилия, стихиям отдана;
Могу ли Валуа не сострадать я?
Не потерплю, чтоб бешеные братья

¹⁹ Этот добрый Денис (Дионисий) не есть так называемый Дионисий Ареопагит, но епископ Парижский. Аббат Гилдуин был первый, кто написал, что этот епископ, будучи обезглавлен, нес свою голову в руках от Парижа до самого аббатства, носящего его имя. Впоследствии на всех тех местах, где этот святой останавливался по дороге, были воздвигнуты кресты. Кардинал Полиньяк, передавая эту историю маркизе дю ***, добавил, что Денису стоило труда нести свою голову только до первой остановки; на что означенная дама ему ответила «Конечно, в подобных делах только первый шаг и труден».

Британского властителя²⁰ могли
Гнать короля с его родной земли.
Я, хоть и свят, – прости мне, боже правый, –
Не выношу заморской их державы.
Мне ведомо, что страшный день придет,
И этот прекословящий народ
Святые извратит постановления,
Отступится от римского ученья
И будет папу жечь из года в год.
Так пусть заране месть на них падет:
Мои французы мне пребудут верны,
А бриттов совертит прельщенье скверны;
Рассеем же весь род их лицемерный,
Накажем их, надменных искони,
За все то зло, что сделают они».

Так говорил угодник в рощах рая,
Проклятьями молитвы уснащая.
И в тот же час, как бы ему в ответ,
Там, в Орлеане, собрался совет.
Был осажден врагами город славный
И изнемог уже в борьбе неравной.

²⁰ Генрих V, король Английский, величайший деятель своего времени, зять Карла VII, на сестре которого он был женат, умер в Венсене, будучи признан в Париже королем Франции; его брат, герцог Бедфордский, правил самой цветущей частью Франции именем своего племянника Генриха VI, также призванного в Париже как французский король парламентом, ратушей, судом, епископом, цехами и Сорбонной.

Вельможи, ратной доблести полны,
Советники – седые болтуны,
По-разному неся свои печали,
«Что делать?» – поминутно восклицали.
Потон, Ла Гир и смелый Дюнуа²¹
Враз крикнули надменные слова:
«Соратники, вперед, вся кровь – отчизне,
Мы дорого продать сумеем жизни».
«Господь свидетель! – восклицал Ришмон. –
Дотла весь город должен быть сожжен;
Пускай ворвавшиеся англичане
Найдут лишь дым и пепел в Орлеане».

Был грустен Ла Тримуйль: «Ах, злой удел
Мне в Пуату родиться повелел!
В Милане я оставил Доротею;
Здесь, в Орлеане, я в разлуке с нею.
В боях пролью я безнадежно кровь,
И – ах! – умру, ее не встретив вновь!»
А президент Луве²², министр монарший,
На вид мудрец, с осанкой патриаршей,
Сказал: «Должны мы все же до тех пор
Просить парламент вынести приговор

²¹ Потон де Сентрайль, Ла Гир – великие полководцы; Жан де Дюнуа – побочный сын Людовика Орлеанского и графини Ангэнской; Ришмон – коннетабль Франции, впоследствии герцог Бретонский; Ла Тимуйль – из знатного рода в Пуату.

²² Президент Луве – министр-советник при Карле VII.

Над англичанами, чтоб в этом деле
Нас в упущеньях упрекать не смели».
Луве, юрист, не знал того, – увы! –
Что было достоянием молвы:
А то бы он заботился не меньше,
Чем о врагах, о милой президентше.
Вождь осаждающих, герой Тальбот,
Любя ее, любим был в свой черед.
Луве не знал; его мужское рвенье
Лишь Франции преследует отмщенье.
В совете воинов и мудрецов
Лились потоки благородных слов,
Спасать отчизну слышались призывы;
Особенно Ла Гир красноречивый
И хорошо, и долго говорил,
Но все-таки вопроса не решил.

Пока они шумели, в окнах зала
Пред ними тень чудесная предстала.
Прекрасный призрак с розовым лицом,
Поддержан светлым солнечным лучом,
С небес отверстых, как стрела, несется,
И запах святости в собрание льется.
Таинственный пришлец украшен был
Ушастой митрой, сверху расщепленной,
Позолоченной и посеребренной;
Его долматик по ветру парил,

Его чело сияло ореолом,²³
Его стихарь блистал шитьем тяжелым,
В его руке был посох с завитком,
Что был когда-то авгурским жезлом.²⁴
Он был еще чуть зрим в огне своем,
А Ла Тримуйль, святоша, на колени
Уже упал, твердя слова молений.
Ришмон, в котором сердце как булат,
Хулитель и кощунственник исправный,
Кричит, что это сатана державный,
Которого им посылает ад,
Что это будет шуткой презабавной –
Узнать, как с Люцифером говорят.
А президент Луве летит стрелой,
Чтоб отыскать горшок с водой святою.
Потон, Ла Гир и Дюнуа стоят,
Вперив в пространство изумленный взгляд,
Простерлись слуги, трепетом объаты.
Видение все ближе, и в палаты
Влетает тихо, на луче верхом,
И осеняет всех святым крестом.

²³ Ореол – это венец из лучей, которые святые всегда носят на голове. Он, по-видимому, является имитацией лаврового венка, чьи расходящиеся листья окружали голову героев как бы лучами, ввиду чего некоторые производят слово «ореол» от *laugum*, *laure ola* (лавр, лавровая ветвь (лат.); другие производят его от *augum* (золото (лат.)). Святой Бернард говорит, что у дев этот венец бывает золотой. «*Coronam quam nostril majores aureolam vocant, idcirco nominatam...*» (Венцу, который наши предки именуют ореолом, названному так потому... (лат.).

²⁴ Жезл авгуров вполне походил на епископский посох.

Тут каждый крестится и упадает.
Он их с улыбкой кроткой поднимает
И молвит: «Не дрожите предо мной;
Ведь я Денис²⁵, а ремеслом – святой.
Я Галлии любимой просветитель.
Но я оставил вышнюю обитель,
Увидя Карла, внука моего,
В стране, где не осталось ничего,
Который мирно, позабыв о бое,
Две полных груди гладит на покое.
И я решил прийти на помощь сам
За короля дерущимся бойцам,
Кладя предел скорбям многотревожным.
Зло исцеляют противоположным.
И если Карл для девки захотел
Утратить честь и с нею королевство,
Я изменить хочу его удел
Рукой юницы, сохранившей девство.
Коль к небу вы подъемлете главы,
Коль христиане и французы вы,
Для церкви, короля и государства

²⁵ Этот Денис, патрон Франции, – святой в духе монахов. Он никогда не бывал в Галлии. См. легенду о нем в «Вопросах по поводу «Энциклопедии» под словом «Денис»: вы узнаете, что сперва он был рукоположен в епископы афинские святым Павлом; что он отправился навестить деву Марию и приветствовал ее по случаю смерти ее сына; что затем он покинул епископство афинское ради парижского; что его повесили и что с высоты своей виселицы он весьма красноречиво проповедовал; что ему отрубили голову, дабы он замолчал, что он взял голову в руки и лобызал ее по дороге, идя основывать аббатство своего имени в миле от Парижа.

Вы призваны помочь мне без коварства,
Найти гнездо, где может обитать
Тот феникс, что я должен отыскать».

Так старичок почтенный объяснялся.
Когда он кончил, смех кругом раздался.
Ришмон, насмешник вечный и шутник,
Вскричал: «Клянусь, мой милый духовник,
Мне кажется, вы вздумали напрасно
Покинуть ваш приют весьма прекрасный,
Чтобы отыскивать в стране гуляк
Игрушечку, что цените вы так.
Спасать посредством девственности крепость
Да это вздор, полнейшая нелепость.
Притом не видно дев у нас в краю,
Зато они кишмя кишат в раю!
Свечей церковных в Риме и в Лорете
Не более, чем дев в нагорном свете.
Но вот во Франции – увы! – их больше нет,
В монастырях и то пропал их след.
От них стрелки, сеньоры, капитаны
Давно освободили наши страны;
Подкидышей побольше, чем сирот,
Наделал этот воровской народ.
Святой Денис, не нужно споров длинных;
В других местах ищите дев невинных».

Угодник покраснел пред наглецом;
Затем, опять на луч вскочив верхом,
Как на коня, не говоря ни слова,
Пришпоривает и взлетает снова,
За безделушкою, милей цветка,
Что так нужна ему и так редка.
Оставим же его; пока он рыщет
Везде, где есть дневным лучам пути,
Читатель-друг, желаю вам найти
Алмаз любви, которого он ищет!

Конец песни первой

Песнь вторая

Иоанна, получив снаряжение от святого Дениса, отправляется к Карлу VII в Тур; что она совершила по пути и как ей был дан патент на звание девы.

Блажен возлегший с девою на ложе!
Добро ему; но волновать сердца,
По-моему, во много раз дороже.
Любимым быть – вот счастье мудреца.
К чему лишать цветок его венца?
Пусть нас Любовь подарит этой розой.
Толковники нам исказили прозой
Прекрасный текст; когда принять их толк,
То с наслаждением несовместен долг.
Я против них готовлю сочиненье,
Где изложу искусство из искусств,
Как в самом долге черпать наслаждение,
Обуздывая треволненья чувств.
Святой Денис мое поддержит рвенье,
Ко мне склоняясь в горней вышине;
Я пел его, и он поможет мне.
Но, в ожиданье, должен рассказать я
Конец его святого предприятия.

Среди Шампанских невысоких гор,

Где сто столбов, увенчанных гербами²⁶,
«Вы в Лотарингии», – вещают сами,
Был городок, безвестный до тех пор;
Но он стяжал невянущую славу,
Затем что спас французскую державу
И галльских лилий искупил позор.
О Домреми, твои поля и воды
На годы да прославятся и годы!

Твоих холмов убогих не пестрят
Ни апельсин, ни персик, ни мускат,
И твоего вина я пить не стану;
Но Франции ты подарил Иоанну.
Здесь родилась она²⁷: кюре-петух,
Производивший всюду божьих слуг,
За мессой, за столом, в постели рьяный,
Когда-то инок, был отцом Иоанны;
Стан горничной, дебелий и румяной,
Был формою, в которой отлита
Британцам памятная красота.
В шестнадцать лет при лошадях таверны
Ей отыскивали заработок верный,

²⁶ В то время на всех границах Лотарингии были столбы с герцогским гербом, изображавших трех орлят; они были сняты в 1738 году.

²⁷ Она была действительно родом из села Домреми, дочь Жана д'Арка и Изабо, трактирной служанки двадцати семи лет; таким образом, ее отец вовсе не был священником. Это поэтический вымысел, быть может, недопустимый в предмете важном.

И в краткий срок о молодой красе
В округе Вокулера знали все.
Решительна осанка, но пристойна;
Огромные глаза пылают знойно;
Зубов блестящих ровно тридцать два;
Гордиться ими вправе ротик алый,
На строгий вкус не маленький, пожалуй,
Но выписанный кистью божества,
Волнующий и яркий, как кораллы.
Грудь смуглая, но тверже, чем скала,
Попу, бойцу и книжнику мила.
Жива, ловка, сильна; в одежде чистой,
Рукою полною и мускулистой
Мешки таскает, в чаши льет вино
Сеньору и крестьянину равно
И мимоходом оплеухи сыплет,
Когда повес нескромная рука
Ее за грудь или за бедра щиплет.
Смеется, трудится до огонька,
Коней впрягает, водит к водопою
Иль, их сжимая стройною ногою,
Летит резвее римского стрелка²⁸.

О глубина премудрости верховной!
Как ты играешь гордостью греховной
Всех величайших, малых пред тобой!

²⁸ «Ездила верхом без седла и выказывала мужество, которое обыкновенно девушкам не свойственно», как говорит «Хроника» Монстреле.

Как малый вознесен твоей рукой!
Святой Денис, служитель верный твой,
По замкам ослепительным не рыщет,
Средь вас, о герцогини, он не ищет,
Денис спешит, – чудно, но это так, –
На поиски невинности в кабаки.
Он в самый раз явился, чтобы девству
Обида не была нанесена.
Уже беда грозила королевству.
Известно, сколь коварен Сатана;
И, опоздай святитель на минутку,
Он с Францией сыграл бы злую шутку.
Один монах, прозваньем Грибурдон,
Покинувший с Шандосом Альбион,
Был в это время в том же самом месте,
И он решил лишить Иоанну чести.
Разведчик, проповедник, духовник,
Он был бы первым в воровском собрании.
Повсюду он свой нос совать привык;
И был к тому ж искусен в тайном знанье²⁹.
Египетское ведал волшебство,
Что некогда хранилось колдунами,
Еврейскими седыми мудрецами;
Но наши дни утратили его;
Век тьмы, когда не помнят ничего!

²⁹ Колдовство было тогда так распространено, что сама Иоанна д'Арк была сожжена впоследствии, как колдунья, по ходатайству Сорбонны.

Ему поведала его каббала,
Что гибелью Иоанна угрожала
Его друзьям, под юбкою своей
Нося судьбу обоих королей.
И, будучи в союзе с василиском,
Поклялся он ни спать, ни пить, ни есть,
Поклялся чертом и святым Франциском
Бесценный сей палладий³⁰ приобрести,
Над чувствами Иоанны торжествуя;
Он восклицал, гнусая аллилуйя:
«И родине и церкви послужу я;
Монах и бритт обязан жить, любя
Свою страну и, главное, себя».

У некоего грубого невежды
Явились те же самые надежды,
С правами теми же на страстный пыл
Уж потому, что конюхом он был;
Он предлагал вниманию подруги
Страсть грубую и грубые услуги;
Случайности ежеминутных встреч
Могли бы девушку к нему привлечь,
Но стыд ее торжествовал, по счастью,
Над проникающею в душу страстью.
И Грибурдон опасность увидал:
Как книги, он сердца людей читал.

³⁰ Статуя Паллады, с которой была связана судьба Трои; почти у всех народов бывали подобные суеверия.

Он страшного соперника находит
И разговор с ним ласковый заводит:

«Могучий витязь, вы, без лишних слов,
Изрядней всех вам вверенных ослов
И девственницы стоите, конечно;
Как вы, я тоже страстью к ней палим.
Усилия свои соединим;
Я, как и вы, любовник безупречный.
Поделим же сей лакомый кусок,
Который, если ссориться бесплодно,
Из наших рук и ускользнуть бы мог.
Когда меня вам к ней свести угодно,
Я вызову немедля духа сна;
И очи нежные смежит она,
Чтоб бдили мы над ней поочередно».

Взяв книгу черную, монах скорей
Зовёт того из сумрачных чертей,
Чье имя было некогда Морфей.
Сонливый бес гостит сейчас в Париже:
Когда поутру модный адвокат
Приводит ряд блистательных цитат, —
Он с судьями кивает лбом все ниже;
А днем внимает проповеди он
Учеников в искусстве Массильона,
Приемам, взвешенным со всех сторон,

Многообразию пустого звона;
И вечером в партере крепко спит.

Он к колеснице, слыша зов, спешит,
И две совы влекут его неслышно
По воздуху в молчанье ночи пышной.
Закрыв глаза, скривив зевотой рот,
Он к ложу девы ощупью бредет
И, грудь ей посыпая маком черным,
Томит ее дыханием снотворным.
Так, уверяли нас, монах Жирар³¹,
Младую исповедуя девицу,
Сумел вдохнуть в нее любовный жар
И похотью воспламенил юницу.

Меж тем, желанья грешного полны,
Монах и конюх, слуги Сатаны,
Стащили с девственницы одеяло;
Уж кости, по ее скользя груди,
Должны решить, чье место впереди,
Кому из них принадлежит начало.
Монах взял верх: счастливы колдуны;
Его желания распалены,
Он прыгнул на Иоанну; но неожиданно

³¹ Иезуит Жирар, уличенный в маленьких вольностях с девицей Кадьер, исповедовавшейся ему, был обвинен в том, что он ее околдовал, дыша на нее. См. объяснения к песни третьей.

Денис явился – и встает Иоанна.
Как слаб перед святыми грешный люд!
Соперники в смятении бегут,
И душу им трепещущую жгут
И лютый страх, и замысел злодейский.
Видали, верно, вы, как полицейский
Вступает в дом любви ночной порой:
Любовников раздетых юный рой,
Постели кинув, прыгает с балкона
От мрачных глаз блюстителя закона;
Так наши блудники бегут с тоской.

Денис стремится усмирить волнение
Иоанны, плачущей от возмущенья.
Он говорит: «Избрания сосуд,
Бог королей твоей рукой невинной
Решил отмстить честь Франции старинной
И водворить в их островной приют
Надменных англичан, народ бесчинный.
Бог превращает дуновеньем недр
Трепещущий тростник в ливанский кедр,
Сметает горы, сушит океаны
И воскрешает вымершие страны.
От шага твоего родится гром,
Повиснет ужас над твоим челом,
Ты с огнезарным ангелом победы
О дивной славе поведешь беседы.
Иди, о темной позабудь судьбе, –

Иное уготовано тебе».

При этой речи, грозной и прекрасной,
Весьма духовной и весьма неясной,
Иоанна широко раскрыла рот
И думала – что это он плетет?
Но благодать сильна: от благодати
В ее уме редет мрак понятий,
Как будто там вошло светило дня,
И в сердце – пыл священного огня.
Она теперь не прежняя служанка,
Она – уже герой, она – гражданка.
Так мещанин, досель неприхотлив,
От богача наследство получив,
Дворцом сменяет домик свой смиренный,
Свой скромный вид – развязностью надменной;
Слепит вельможу блеск его щедрот,
И светлостью простака его зовет.

Или, скорей, так швейка молодая,
Которую природа с юных лет
Готовила в бордель или в балет,
Которую кормила мать простая
Для счастья с мужиком в тиши пустынь, –
Когда ее Амур, везде порхая,
Кладет под короля, меж двух простынь,
Меняется в манерах и в походке,

На всех теперь лишь свысока глядит,
И в голосе слышны другие нотки,
И – впору королеве – ум развит.

Решив начать скорее подвиг бранный,
Денис во храм отправился с Иоанной,
И здесь явилась им средь бела дня
(Как нашей Деве это было странно!),
Спустившись с неба, дивная броня.
Из арсенала крепости небесной
Архистратиг великий Михаил
Извлек ее десницею чудесной.
И тут же рядом шлем Деборы был,³²
Гвоздь, что Сисаре голову пронзил;
Булыжник, пущенный пращей Давида
В гиганта отвратительного вида,
И челюсть та, которую Самсон,
Когда возлюбленной был продан он,
Разил врагов с неслыханною силой;
Клинок Юдифи, дивно заострен,
Ужасный дар предательницы милой,
Которым небо за себя отмстило,

³² Дебора – первая из когда-либо упомянутых женщин-воительниц. Иаиль – другая героиня, вонзила гвоздь в голову полководца Сисары. Гвоздь этот хранится в нескольких православных и католических монастырях вместе с ослиной челюстью, которой пользовался Самсон, пращей Давида и мечом, коим знаменитая Юдифь отрубила голову полководцу Олоферну, или Олферну, сперва разделив с ним ложе.

Прервав ее возлюбленного сон.
Все это видя, Дева в восхищенье
Стальное надевает облаченье,
Рукою крепкою схватить спешит
Наплечник, наколенник, шлем и щит,
Булыжник, челюсть, гвоздь, клинок кровавый,
Примеривает все и бредит славой.

У героини конь обязан быть;
У злого ль конюха его просить?
И вдруг осел явился перед нею,
Трубя, красуясь, изгибая шею.
Уже подседлан он и взнуздан был,
Пленяя блеском золотых удил,
Копытом в нетерпенье землю роя,
Как лучший конь фракийского героя;
Сверкали крылья на его спине,
На них летал он часто в вышине.
Так некогда Пегас в полях небесных
Носил на крупе девять дев чудесных,
И Гиппогриф, летая на луну,
Астольфа мчал в священную страну.
Ты хочешь знать, кем был осел тот странный,
Подставивший крестец свой для Иоанны?³³

³³ NB. Читатель, обладающий вкусом, может заметить, что автор, тоже им обладающий и стоящий выше предрассудков, рифмует всегда для слуха, а не для глаз. Вы у него не встретите рифм: «trône» и «bonne», «pâte» и «patte», «homme» и «heaume». Краткая гласная звучит иначе и произносится не так, как долгая.

Об этом я потом упомяну,
Пока же я тебя предупреждаю,
Что тот осел довольно близок к раю.

Уже Иоанна на осле верхом,
Уже Денис подхвачен вновь лучом
И за девицей поспешает следом
Приготовить короля к победам.
То иноходью шествует осел,
То в небесах несется, как орел.
Монах, как прежде, полный сладострастья,
Оправившись от своего несчастья,
Погонщика, посредством тайных сил,
Без промедленья в мула обратил,
Верхом садится, шпорит неустанно,
Клянется всюду гнаться за Иоанной.
Погонщик мулов и отныне мул
По ним рванулся и вперед скакнул;
И дух из грубого такого теста
Едва заметил перемену места.

Иоанна и Денис стремятся в Тур,
Где держит короля в цепях Амур.
Когда настала ночь, под Орлеаном
Пришлось им проезжать британским станом.
Британцы, сильно пьющие досель,

Храпели, просыпая тяжкий хмель;
Прислуга, караул – все было пьяно.
Не слышалось ни труб, ни барабана:
Тот, поперек пажа разлегшись, спит,
А этот нагишом в шатре храпит.

И вот святитель, в справедливом гневе,
Такую речь нашептывает Деве:
«Наверное о Нисе знаешь ты³⁴,
Который под покровом темноты,
Сопутствуем любезным Эвриалом,
Уснувших рутулов разил кинжалом.
И так же Рес могучий был сражен³⁵
В ту ночь, когда отважный сын Тидея,
Союзником имея Одессея,
Преобразил, не повстречав препон,
Спокойный сон троянцев в вечный сон.
Ты можешь ту же одержать победу.
Пойдешь ли ты по доблестному следу?»
Иоанна молвит: «Прекратим беседу;
Нет, низкой доблесть стала бы моя,
Когда бы спящих убивала я».
Так говоря, Иоанна видит рядом
Шатер, залитый лунным серебром,
Рисующийся восхищенным взглядам
По меньшей мере княжеским шатром.

³⁴ Эпизод, описанный в «Энеиде».

³⁵ Эпизод из «Илиады».

У входа – бочки с дорогим вином.
Она хватает кубок превеликий,
Закусывает жирным пирогом
И чокается с дивным стариком
За здоровье французского владыки.

Хозяином шатра был Жан Шандос³⁶.
Великий воин спал, задравши нос.
Иоанна похищает меч у бритта
И пышные штаны из аксамита.
Так некогда Давид, к его беде,
Царя Саула встретив кое-где,
Не захотел закрыть царевы вежды,
А только вырезал кусок одежды
И показал вельможам тех сторон,
Что мог бы сделать, но не сделал он.
Шандосов паж спал тут же безмятежно,
Четырнадцатилетний, милый, нежный.
Он спал ничком. Была обнажена,
Как у Амура, вся его спина.
Невдалеке чернильница стояла,
Служившая ему, когда, бывало,
Поужинав, он песни сочинял
Красавицам, чей взор его пленял,
И вот рисует Дева, шутки ради,
Три лилии на юношеском заде,
Для Галлии обет счастливых дней

³⁶ Один из великих полководцев того времени.

И памятник величья королей,
Глаза святого с гордостью следили
На заде бритта рост французских лилий.
Кто поутру обескуражен был?
Шандос, проспавший пиршественный пыл,
Когда увидел на паже красивом
Три лилии. Во гневе справедливом
Он о предательстве заводит речь;
Он ищет возле изголовья меч.
Напрасно ищет; нет его в помине,
Как нет штанов; он, точно лев в пустыне,
Кричит, бранится, думая со сна,
Что в лагерь забирался Сатана.

Стремительно, как солнца луч блестящий,
Осел крылатый, Деву уносящий,
Всю землю мог бы облететь вокруг!
Святой с Иоанной прибыл ко двору.
Денису вмиг подсказывает опыт,
Что здесь царят насмешки, свист и шепот.
Он, вспоминая дерзновенный тон,
В котором с ним беседовал Ришмон,
Не хочет вновь отдать на посмеянье
Епископа святое одеянье.
Для этого прибегнул он к игре:
Он скромный вид и наименование
Берет Рожера³⁷, твердого в добре,

³⁷ Имя его было не Рожер, а Роберт; ошибка незначительная. Это он в 1429 году

Усердного и в битве, и во храме,
Советника с правдивыми речами,
Любимого, однако, при дворе.

«Клянусь Христом, – промолвил он владыке, –
Возможно ль, чтоб дремал король великий
В цепях Амура средь таких трущоб!
Как! Ваши руки чужды состязанью!
Ваш лоб, ваш гордый королевский лоб
Венчан лишь миртом, розами да тканью!
Вы грозных оставляете врагов
На троне ваших царственных отцов!
В сражении умрите смертью славной
Иль сатанинских изничтожьте слуг;
Достойны вы носить венец державный,
И лавры ожидают ваших рук.
Господь, чей дух во мне отвагу будит,
Господь, который помогать вам будет,
Через меня вещает о судьбе.
Решитесь верить и помочь себе:
Последуйте за этой девой смелой;
То Франции спасительница целой;
Ее рукой вернет нам царь царей

привез Иоанну д'Арк в Тур и представил ее королю. Был он добрый шампанец, человек бесхитростный. Его замок стоял возле Бриенна в Шапани. На дверях этого бедного замка я видел его девиз – виноградную лозу с надписью: «Beau, dru et court» (Буквально: «Хорошо, весело и быстро» (франц.). По ней можно судить о тогдашнем остроумии.

Законы наши, наших королей.
Иоанна с вашей помощью изгонит
Врага, который страшен и жесток;
Мужчиной станьте; и когда сам рок
Вас юной деве подчиниться клонит,
По крайней мере, избегайте той,
Что в сердце гасит пламень боевой,
А, веруя в чудесное спасенье,
Спешите вслед за приносящей мщенье».

У короля французов в сердце есть
Не только томный пламень, но и честь.
Суровый голос старого витии
Его исторг из сонной летаргии.
Так в некий день, средь тверди голубой,
Архангел, потрясая мир трубой,
Прах оживляя, гробы разверзая,
Пробудит мертвых к ликованью рая.
Карл пробужден, он яростью кипит,
В ответ на речь он восклицает: «К бою!»
Он увлечен теперь одной войною,
Хватает пику и хватает щит.

Но тотчас же за первой вспышкой гнева,
Которым чувства в нем опьянены,
Он хочет знать: таинственная дева —
Посланица творца иль Сатаны,

И это столь нежданное явление –
Святое чудо или наважденье.
К надменной деве обратив вопрос,
Он величавым тоном произнес
Слова, какими всякая смутится:
«Иоанна, слушайте, а вы – девица?»
Она в ответ: «Велите, я снесу,
Чтоб доктора с очками на носу,
Аптекарь, бабка и писец случайный
Те женские исследовали тайны;
И кто еще знаток по тем делам,
Пусть подойдет и пусть посмотрит там».
Карл в этой речи, мудрой и смиренной,
Ответ увидел боговдохновенный.
Он молвил: «Чтоб поверил я вполне,
Скорей, не думая, скажите мне,
Чем в эту ночь я с милой занимался».
Но коротко: «Ничем!» – ответ раздался.
Склонился Карл пред Божиим перстом
И крикнул: «Чудо» – осенясь крестом.
Выходят, меховым кичась убором,
Ученые, в руке их Гиппократ,
Колпак на голове; они глядят
На девушку, открытую их взорам³⁸
Совсем нагой, и господин декан,
Вотще искав какой-нибудь изъян,
Вручает миловидной внучке Евы

³⁸ Действительно, врачи и почтенные женщины исследовали Иоанну и признали ее девственной.

Пергаментный патент на звание девы.

Священной гордости горя огнем,
Она склоняется пред королем
И, внемля свиты радостному кличу,
Развертывает славную добычу –
Штаны Шандоса, скрытые дотоль.
«Позволь мне, – говорит, – о мой король,
Вернуть под власть твою, твои законы,
Ту Францию, где ныне скорбь и стоны.
Клянусь, я превзойду твои мечты:
Клянусь тебе моей чудесной силой,
Моим мечом и девственностью милой,
Что будешь в Реймсе коронован ты;
Ты прилетишь грозою к англичанам,
Которые стоят под Орлеаном.
Иди, взнесись до дивной высоты;
Иди, простившись с тихою рекою,
И мне дозволь повсюду быть с тобою».

Придворные теснятся перед ней,
С нее и с неба не сводя очей,
Ей хлопают, дивятся, ободряют,
Восторгом бурным зову отвечают.
И каждый, поднимающий копье,
Оруженосцем хочет быть ее.
Жизнь за нее отдать согласен каждый,

И в то же время каждый одержим
Мечтой о славе и палящей жаждой
Отнять тот клад, что ею так храним.
Все в путь готовы, всякий суетится:
Один спешит с любовницей проститься,
Тот, отощав, к ростовщику идет,
Тот, не платя, свой разрывает счет.
В руке Дениса орифламма³⁹ реет.
При этом виде в сердце Карла зреет
Высокая надежда. Грозный стяг,
Перед которым убегает враг,
Иоанна и осел, парящий в небе,
Ему бессмертный обещают жребий.

Денис хотел, бросая этот кров,
Лишить любовников прощальных слов,
Чтоб слез они зазря не проливали
И времени напрасно не теряли.
Агнеса, не подозревая зла,
Хоть был и поздний час, еще спала.
Счастливый сон, пленительный и лгущий,
Ей рисовал восторг, ее бегущий,
Ей снилось, что с любовником своим
Она любви вкушает наслажденье;
Ты обмануло, сладкое виденье:
Ее любовник уведен святым.

³⁹ Знамя, принесенное ангелом в аббатство Сен-Дени и бывшее некогда в руках графов Вексенских.

Так иногда в Париже врач бездушный
На жирные блюда кладя запрет,
Больному не дает доесть обед,
К его прожорливости равнодушный.

Добрjak Денис, насилу оторвав
Монарха от пленительных забав,
Бежит скорей к своей овечке милой,
К Иоанне, девственнице с львиной силой.
Теперь он снова, как и был, святой:
Тон набожный, смиренные повадки,
Жезл пастыря и перстень золотой,
Епископская митра, крест, перчатки.
«Служи, – сказал он, – храбро королю
И знай, что я тебя навек люблю.
Но с лаврами отваги горделивой
Сплетай цветы невинности стыдливой.
Твои стопы направлю в Орлеан.
Когда Тальбот, начальник англичан,
Возрадуется сердцем злого зверя,
В свое свиданье с президентшей веря,
Твоя рука швырнет его во тьму.
Но, грех казня, не подражай ему.
Отважна будь, но с набожною думой.
Теперь прощай; о девственности думай».
Она дала торжественный обет,
И пастырь возвратился в горний свет.

Конец песни второй

Песнь третья

Описание дворца Глупости. Сражение под Орлеаном. Агнеса, облачившись в доспехи Иоанны, отправляется к своему возлюбленному; она попадает в плен к англичанам, и стыдливость ее весьма страдает.

Еще не все – быть смелым и спокойным,
Встречая смерть в пороховом дыму,
И хладнокровно в грохоте нестройном
Командовать отряду своему;
Везде героев мы нашли бы тьму,
И каждый был бы воином достойным.
Кто скажет мне, что Франции сыны
Искусней и бестрепетней убийцы,
Чем дети гордой английской страны?
Иль что германцев выше иберийцы?
Все били, все бывали сражены.
Конде великий был разбит Тюренном⁴⁰,
Виллар бежал с позором несомненным⁴¹,
И, Станислава доблестный оплот,
Солдат венчанный, шведский Дон-Кихот,
Средь смельчаков смельчак необычайный,
Не уступил ли северный король
Сопернику, презренному дотоль,

⁴⁰ В знаменитой битве при Дюнах, около Дюнкирхена.

⁴¹ При Малыплакэ, около Монса, в 1709 году.

Победный лавр во глубине Украйны?⁴²
По-моему, полезнее вождам
Уменье очаровывать невежду:
Облечь себя в священную одежду
И ею ослеплять глаза врагам.
Так римляне – мир падал к их ногам –
Одолевали при посредстве чуда.
В руках у них была пророчеств гряда.
Юпитер, Марс, Поллукс, весь сонм богов
Водили их орла громить врагов.
Вакх, в Азию низринувшийся тучей,
Надменный Александр, Геракл могучий,
Чтоб над врагами властвовать верней,
За Зевсовых сходили сыновей:
И перед ними чередой смиренной
Клонились в прах властители вселенной,
На них взирая робко издали.

Дениса те примеры увлекли,
И он хотел, чтобы его Иоанне
Те ж почести воздали англичане,
Чтобы Бедфорд и влюбчивый Тальбот,
Шандос и весь его безбожный род
Поверили, что грозная девица –
Карающая божия десница.

⁴² Также в 1709 году.

Чтоб этот смелый план его прошел,
Бенедиктинца он себе нашел,
Но не из тех, чьи книжные громады
Всей Франции обогащают склады,
А мелкого, кому и книг не надо,
Когда латинский требник он прочел.
И брат Лурди, слуга смиренный богу,
Снаряжен был в далекую дорогу.

На вечно мрачной стороне луны
Есть рай, где дураки расселены⁴³.
Там, на откосах пропасти огромной,
Где только Хаос, только Ночь и Ад
С начала мироздания царят
И силою своей кичатся темной,
Находится пещерная страна,
Откуда благодать солнца не видна,
А виден, вместо солнца, свет ужасный,
Холодный, лживый, трепетный, неясный,
Болотные огни со всех сторон,
И чертовщиной воздух населен.
Царица Глупость властвует страню:
Ребенок старый с бородой седой,

⁴³ Прежде «раем безумных», «раем глупцов» называли лимб; и в нем помещали души слабоумных и маленьких детей, умерших без крещения. «Лимб» значит «край», «кайма»; и считалось, что этот рай расположен на краю луны. О нем говорит Мильтон: у него дьявол проходит через рай глупцов: «the paradise of fools».

Кося и, как Данше, разинув рот,⁴⁴
Гремушкой вместо скипетра трясет.
Невежество – отец ее законный,
А чада, что стоят под сенью тронной, –
Упрямство, Гордость, Леность и затем
Наивность, доверяющая всем.
Ей каждый служит, каждый ей дивится,
И мнит она, что истинно царица,
Хотя на деле Глупость – только тень,
Пустышка, погрузившаяся в лень:
Ведь Плутня состоит ее министром,
Все делается этим другом быстрым,
А Глупость слушается целый день.
Он ко двору ее приблизил скопы
Тех, что умеют делать гороскопы,
Чистосердечно лгущих каждый час,
И простаков, и жуликов зараз.

Алхимиков там повстречаешь тоже,
Что ищут золота, а без штанов,
И розенкрейцеров, и всех глупцов,
Для богословья лезущих из кожи.

⁴⁴ Это, по-видимому, намек на знаменитые стихи Руссо: Ты предо мной, простак Данше, Глаза навыкат, рот разинут. «Рот, как у Данше», стало чем-то вроде пословицы. Этот Данше был посредственный поэт, написавший несколько театральных пьес и т. п.

Посланником в сию страну чудес
Лурди был выбран из своих собратий.
Когда закрыла ночь чело небес
Завесою таинственных заклятий,
В рай дураков⁴⁵ на легких крыльях сна
Его душа была вознесена.
Он удивляться не любил некстати
И, будучи уже при том дворе,
Все думал, что еще в монастыре.

Сперва он погрузился в созерцанье
Картин, украсивших святое зданье.
Какодемон, воздвигший этот храм,
Царапал для забавы по стенам
Наброски, представляющие верно
Все наши сумасбродства, планов тьму,
Задуманных и выполненных скверно,
Хоть «Вестник» хвалит их не по уму.
В необычайнейшем из всех музеев,
Среди толпы плутов и ротозеев
Шотландец Лоу прежде всех поспел;
Король французов новый, он надел
Из золотой бумаги диадему
И написал на ней свою систему;⁴⁶

⁴⁵ Это лимб, измышленный, как говорят, неким Петром Хризологом. Туда отправляют маленьких детей, умерших без крещения, ибо, если они умрут пятнадцати лет, им уже нетрудно заслужить вечную муку.

⁴⁶ Знаменитая система господина Ласса, или Лоу, шотландца, разорившая

И не найдете вы руки щедрей
В раздаче людям мыльных пузырей:
Монах, судья и пьяница отпетый
Из алчности несут ему монеты.

Какое зрелище! Одна из пар –
С достаточным Молиной Эскобар;⁴⁷
Хитрец Дусен, приспешник иезуита,
Стоит с чудесной буллою раскрытой,
Ее творец⁴⁸ склоняется над ним.
Над буллою той смеялся даже Рим,
Но все ж она источник ядовитый
Всех наших распрей, наших крикунов
И, что еще ужаснее, томов,
Отравой полных ереси негодной,
Отравой и снотворной и бесплодной.

Беллерофонты новые легки,

стольких во Франции за годы с 1718 по 1720, оставила роковые следы, и они еще давали себя знать в 1730 году, когда, по нашему мнению, автор начал эту поэму.

⁴⁷ Казуисты Эскобар и Молина широко известны по превосходным «Провинциальным письмам»; автор называет здесь этого Молину «достаточным», намекая на благодать достаточную и непостоянную, по поводу которой он создал систему столь же нелепую, как и система его противника.

⁴⁸ Ле Телье – иезуит, сын стряпчего из Вира в Нижней Нормандии, духовник Людовика XIV, автор «Буллы» и виновник всех волнений, ею вызванных, изгнанный во время Регентства и память коего теперь ненавистна. Отец Дусен был его первый советник.

Глаза закрывши, на химерах рыщут,
Своих противников повсюду ищут,
И, вместо бранных труб, у них свистки;
Неистово, кого, не видя сами,
Они разят с размаху пузырями.
О, сколько, господи, томов больших,
Постановлений, объяснений их,
Которые ждут новых объяснений!

О летописец эллинских сражений,
Воспевший также в мудрости своей
Сражения лягушек и мышей,
Из гроба встань, иди прославить войны,
Рожденные той буллой беспокойной!
Вот янсенист, судьбы покорный сын.
Потерянный для вечной благодати;
На знамени – блаженный Августин;
Он «за немногих» вышел против рати⁴⁹
И сотня согнутых спешит врагов
На спинах сотни маленьких попов.

Но полно, полно! Распри, прекратитесь!
Дорогу, простофили! Расступитесь!
В Медардовом приходе видит взор
Могила бедный и простой забор,
Но дух святой свои являет силы

⁴⁹ Янсенисты говорят, что Мессия пришел только для немногих.

Всей Франции из мрака той могилы;⁵⁰
За исцеленьем к ней спешит слепой
И ошупью идет к себе домой;
Приводят к ней несчастного хромого,
Он прыгает и вдруг хромает снова;
Глухой стоит, не слыша ничего;
А простаки кричат про торжество,
Про чудо явленное, и ликуют,
И доброго Париса гроб целуют,⁵¹
А брат Лурди глядит во все глаза
На их толпу и славит небеса,
Хохочет глупо, руки поднимая,
Дивится, ничего не понимая.

А вот и тот святейший трибунал,

⁵⁰ Здесь подразумеваются конвульсионеры и чудеса, засвидетельствованные множеством янсенистов, чудеса, перечисленные в обширном труде Карре-де-Монжероном, поднесшим этот труд Людовику XV.

⁵¹ Добряк Парис был слабоумный диакон; однако, как один из самых ярых и влиятельных среди простонародья янсенистов, он почитался этим простонародьем за святого. В 1724 году вздумали ходить молиться на могиле этого чудака, на кладбище при одной из парижских церквей, сооруженной во имя святого Медарда, впрочем, мало известного. Этот святой Медард никогда не творил чудес; но аббат Парис сотворил их множество. Наиболее замечательно воспетое герцогиней де Мен в следующей песне: Чистильщик, воин божьей рати, На ногу левую хромец, Сподобясь дивной благодати, Стал хром на обе наконец. Святой Парис сотворил триста или четыреста чудес в этом роде; если бы ему позволили, он бы воскрешал мертвых; но вмешалась полиция; отсюда известное двустишие: – В сем месте чудеса творить ты не изволь! –Так богу приказал король.

Где властвуют монах и кардинал,
Дружина инквизиторов ученых,
Ханжами-сыщиками окруженных.
Сидят святые эти доктора
В одеждах из совиного пера;
Ослиные на голове их уши,
И, чтобы взвешивать, как должно, души,
Добро и зло, весы у них в руках,
И чашки глубоки на тех весах.
В одной – богатства, собранные ими,
Кровь кающихся чанами большими,
А буллы, грамоты и ектеньи
Ползут через края второй бадьи.
Ученейшая эта ассамблея
На бедного взирает Галилея,⁵²
Который молит, на колени став:
Он осужден за то лишь, что был прав.
Что за огонь над городом пылает?
То на костре священник умирает.
Двенадцать шельм справляют торжество:
Юрбен Грандье горит за колдовство.⁵³

⁵² Галилей, основатель философии в Италии, был осужден инквизиционным судом, посажен в тюрьму и подвергнут весьма суровому обращению не только как еретик, но и как невежда, за то, что он доказал вращение земли.

⁵³ Юрбен Грандье, луденский священник, приговоренный комиссией королевского совета к сожжению за то, что вселил диавола в нескольких монахинь. Некий Ла Менардэ был настолько глуп, что издал в 1749 году книгу, в которой он тщится доказать истинность этой одержимости.

И ты, прекрасная Элеонора,⁵⁴
Парламент надругался над тобой,
Продажная, безграмотная свора
Тебя в огонь швырнула золотой,
Решив, что ты в союзе с Сатаной.
Ах, Глупость, Франции сестра родная!
Должны лишь в ад и папу верить мы
И повторять, не думая, псалмы!
А ты, указ, плод отческой заботы,
За Аристотеля и против рвоты!⁵⁵

И вы, Жирар, мой милый иезуит,⁵⁶
Пускай и вас перо мое почтит.

⁵⁴ Элеонора Галигаи, весьма знатная девица, приближенная королевы Марии Медичи и ее придворная дама, супруга флорентийца Кончино Кончини, маркиза д'Анкр, маршала Франции, была не только обезглавлена на Гревской площади в 1617 году, как сказано в «Хронологическом обзоре истории Франции», но и сожжена как ведьма, а имущество ее отдано врагам. Нашлось только пять советников, возмущенных этой ужасной нелепостью и не пожелавших присутствовать при приведении приговора в исполнение.

⁵⁵ При Людовике XIII парламент запретил, под страхом ссылки на галеры, излагать какое-либо другое учение, кроме Аристотелева, а затем запретил рвотное, не угрожая, однако, галерами ни врачам, ни больным. Людовик XIV в Кале исцелился при помощи рвотного, и постановление парламента утратило свое значение.

⁵⁶ История иезуита Жирара и девицы Кадьер достаточно известна; иезуит был приговорен к сожжению как колдун одной половиной эксского парламента и оправдан другою.

Я вижу вас, девичий исповедник,
Святоша нежный, страстный проповедник!
Что скажете про набожную страсть
Красавицы, попавшей в вашу власть?
Я уважаю ваше приключение;
Глубоко человечен ваш рассказ;
В природе нет такого преступления,
И столькие грешили больше вас!
Но, друг мой, удивлен я без предела,
Что Сатана вмешался в ваше дело.
Никто из тех, кем вы очернены,
Монах и поп, писец и обвинитель,
Судья, свидетель, враг и покровитель,
Ручаюсь головой, не колдуны.

Лурди взирает, как парламент разом
Послання двадцати прелатов жжет
И уничтожить весь Лойолин род
Повелевает именным указом;
А после – сам парламент виноват:
Кенель в унынье, а Лойола рад.
Париж скорбит о строгости столь редкой
И утешает душу опереткой.
О Глупость, о беременная мать,
Во все века умела ты рождать
Гораздо больше смертных, чем Кибела
Бессмертных некогда родить умела;
И смотришь ты довольно, как их рать

В моей отчизне густо закишела;
Туп переводчик, толкователь туп,
Глуп автор, но читатель столь же глуп.
К тебе взываю, Глупость, к силе вечной:
Открой мне высших замыслов тайник,
Скажи, кто всех безмозглей в бесконечной
Толпе отцов тупых и плоских книг,
Кто чаще всех ревет с ослами вкупе
И жаждет истолочь водицу в ступе?
Ага, я знаю, этим знаменит
Отец Бертъе, почтенный иезуит.

Пока Денис, о Франции радея,
Подготавливал с той стороны луны
Во вред врагам невинные затеи,
Иные сцены были здесь видны,
В подлунной, где народ еще глупее.
Король уже несется в Орлеан,
Его знамена треплет ураган,
И, рядом с королем скача, Иоанна
Твердит ему о Реймсе неустанно.
Вы видите ль оруженосцев ряд,
Цвет рыцарства, чарующего взгляд?
Поднявши копья, войско рвется к бою
Вослед за амазонкою святою.
Так точно пол мужской, любя добро,
Другому полу служит в Фонтевро,⁵⁷

⁵⁷ Фонтевро, или Фонс-Эбральди, местечко в Анжу, в трех милях от Сюмора,

Где в женских ручках даже скипетр самый
И где мужчин благословляют дамы.

Прекрасная Агнеса в этот миг
К ушедшему протягивала руки,
Не в силах победить избытка муки,
И смертный холод в сердце ей проник;
Но друг Бонно, всегда во всем искусный,
Вернул ее к действительности грустной.
Она открыла светлые глаза,
И за слезою потекла слеза.
Потом, склонясь к Бонно, она шепнула:
«Я понимаю все: я предана.
Но, ах, на что судьба его толкнула?

известное знаменитым женским аббатством (главою Ордена), воздвигнутым Робертом д'Арбрисселем, родившимся в 1047 году и умершим в 1117 году. Основав скиты в лесу Фонтевро, он обошел босиком все королевство, дабы побудить к покаянию блудниц и привлечь их в свой монастырь; он обратил таким образом многих, между прочим и в городе Руане. Он убедил знаменитую королеву Бертраду постричься в монастыре Фонтевро и утвердил свой Орден по всей Франции. Папа Пасхалий II принял его под покровительство святейшего престола в 1106 году. Незадолго до смерти Роберт поставил генералом Ордена некую даму по имени Петронилла дю Шемиль и пожелал, чтобы в должности главы Ордена всегда женщина наследовала женщине, одинаково начальствуя как над монахинями, так и над монахами. Тридцать четыре или тридцать пять игумений сменило до сего времени Петрониллу; среди них насчитывают четырнадцать принцесс, в том числе пять из Бурбонского дома. См. об этом у Сент-Марта, в четвертом томе «Gallia Christiana» и «Clupeus ordinis Fontebraldensis» («Христианская Галлия» и «Щит Фонтебральдинского ордена» (лат.) отца дела Мэнферма.

Такая ль клятва мне была дана,
Когда меня он обольщал речами?
И неужели я должна ночами
Без милого ложиться на кровать
В тот самый миг, когда Иоанна эта,
Не бриттов, а меня лишая света,
Старается меня оклеветать?
Как ненавижу тварей я подобных,
Солдат под юбкой, дев мужеподобных,⁵⁸
Которые, приняв мужскую статью,
Утратив то, чем женщины пленяют,
И притязая тут и там блистать,
Ни тот, ни этот пол не украшают!»
Сказав, она краснеет и дрожит
От ярости, и сердце в ней болит.
Ревнивым пламенем сверкают взоры;
Но тут Амур, на все затеи скорый,
Внезапно ей внушает хитрый план.

С Бонно она стремится в Орлеан,
И с ней Алиса, в качестве служанки.
Они достигли к вечеру стоянки,
Где, скачкой утомленная чуть-чуть,
Иоанна захотела отдохнуть.
Агнеса ждет, чтоб ночь смежила вежды
Всем в доме, и меж тем разузнает,

⁵⁸ Надо полагать, что автор имеет в виду героинь Ариоста и Тасса. Они, вероятно, были несколько неряшливы; но рыцари не слишком приглядывались.

Где спит Иоанна, где ее одежды,
Потом во тьме тихонечно идет,
Берет штаны Шандоса, надевает
Их на себя, тесьмою закрепляет
И панцирь амазонки похищает.
Сталь твердая, для боя создана,
Терзает женственные рамена,
И без Бонно упала бы она.

Тогда Агнеса шепотом взывает:
«Амур, моих желаний господин,
Дай мощь твою моей руке дрожащей,
Дай не упасть мне под броней блестящей,
Чтоб этим тронулся мой властелин.
Он хочет деву, годную для боя, —
Молю, Агнесу преврати в героя!
Я буду с ним; пусть он позволит мне
Бок о бок с ним сражаться на войне;
И в час, когда помчатся стрелы тучей,
Ему грозя кончиной неминучей,
Пусть поразят они мои красы,
Пусть смерть моя продлит его часы;
Пусть он живет счастливым, пусть умру я,
В последний миг любимого целуя!»
Пока она твердила про свое,
Бонно к седлу ей прикрепил копьё...
А Карл был лишь в трех милях от нее!

Агнеса захотела той же ночью
Возлюбленного увидеть воочью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.